

Языковые реформы в Центральной Азии: тренды — цели — итоги

Павел Дятленко

Ключевые слова: графические реформы, итоги языковых реформ, кириллизация, латинизация, мировые тренды, модернизация, повторная латинизация, релатинизация, смыслы языковых реформ, цели языковых реформ

Пусть опрокинет статуи война,
Мятеж развеет каменщиков труд,
Но врезанные в память письмена
Бегущие столетья не сотрут.

У. Шекспир

В XX — начале XXI века в Центральной Азии (далее — ЦА) в течение сжатого по историческим меркам периода времени были осуществлены латинизация и кириллизация алфавитов местных языков, а в двух случаях — ещё и релатинизация письменности, то есть возврат к латинской графике. Эти языковые реформы в большей или меньшей степени были частью мировых трендов эпох, в которые проводились, либо ответной реакцией на такие тренды. (Под трендами здесь понимаются объективные, долгосрочные процессы глобального или регионального уровня, не зависящие от политических или экономических устремлений государств, политических сил и отдельных политиков.) Реформы оставили после себя множество последствий в разных сферах общественной жизни; но в первую очередь смена графических основ повлекла за собой серьёзные изменения в самих языках: создание

современных литературных языков и изменение лексического состава языков — из-за введения большого количества неологизмов (советизмов, интернационализмов и др.) и естественного и/или принудительного превращения в архаизмы слов, ранее широко применявшихся.

В предлагаемой ниже статье дано краткое описание триады реформ в ЦА, то есть латинизации, кириллизации и повторной латинизации (релатинизации). При этом особое внимание уделяется целям и интересам как политических элит, инициировавших языковые реформы, так и их сторонников и противников. Постараемся не забывать и о последствиях преобразований. Ведь о них и в советское время сказано было совсем мало, да и сейчас предпочитают говорить немного.

Латинизация: революционный порыв модернизации, шаг навстречу мировой революции, «победа» советской модели «нации-государства»

Бывают ситуации в истории, когда интересы различных политических и общественных сил совпадают. Так они совпали в случае с латинизацией языков народов Средней Азии и Казахстана, проведённой в 1920-х — начале 1930-х годов. Но при имевшем место совпадении интересов цели участникам процесса виделись разными.

Союзному центру перевод на латинскую графику был необходим по следующим причинам. Во-первых, потому, что латинизация вписывалась в общий контекст решения национального вопроса и никак не противоречила политике «коренизации». Уже в первые послереволюционные годы (1918—1924) центральные союзные власти принимали меры к расширению функций и повышению статуса местных языков и ослаблению позиций русского языка как единого общегосударственного. Естественно, это требовало создания *письменной нормы* для местных языков¹. Во-вторых, латинизация способствовала сближению народов огромного государства, но одновременно, наряду с границей, проведённой в физическом пространстве, устанавливала границу в пространстве письменного слова. Тем самым она отделяла (и отдаляла) все «советские» народы от всех «несоветских» — как бы последние ни были близки первым в языковом и культурном отношении, то есть служила политическим целям власти. В-третьих, довольно долго руководство коммунистической партии всерьёз ожидало перерастания Октябрьской революции в мировую и готовилось к этому.

Павел Иванович Дятленко, аспирант кафедры истории, культурологии и рекламы Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина, Бишкек (Кыргызская Республика).

Латинизация языков народов СССР и была одним из этапов такой подготовки. В датируемой 2004 годом справке Института востоковедения РАН отмечается²:

«Такая политика была во многом связана с ожиданием скорой мировой революции, после которой во всём мире должен был быть введён единый алфавит, а затем и единый язык... Выбор графики почти всегда связан с культурной и политической ориентацией государства и (или) образованной части населения. В 20-х годах латинизированный тюркский алфавит называли в печати “алфавитом Октября”, “орудием пролетарской революции” и даже объявили сбор средств на постройку аэроплана “Октябрьский алфавит”».

Поднимался и рассматривался вопрос даже о латинизации русского языка — ради победы мировой революции правящая партия была готова и на это. Четвёртая причина, идеологическая, заключалась в том, что тогда велась открытая борьба с религией, и здесь реформа была весьма кстати. Ведь проводилась она в первую очередь у исповедовавших ислам таджиков и тюркских народов Поволжья, Средней Азии и Кавказа. Латинизация алфавитов означала подрыв позиций арабской письменности, следовательно, и тех людей и институтов, что испокон веков были связаны с обучением ей и её распространением — ислама и исламских священнослужителей. Наконец, были ещё две причины, не самые значимые, но как раз на них власть и стремилась акцентировать общественное внимание: технические преимущества латинского алфавита в типографском деле и обучении и неспособность даже реформированного арабского алфавита отражать своеобразие фонетического строя ряда языков. Впрочем, неверно было бы утверждать, что остальные причины замалчивались. Например, Касым Тыныстанов³ в сжатом историческом очерке, посвящённом десятилетию нового латинского алфавита киргизского языка, указал две причины его введения: несоответствие арабского алфавита требованиям техники обучения и полиграфической промышленности и то, что «арабский алфавит как алфавит Корана, оставаясь на службе у байства, манапства и духовенства, был орудием против интересов трудящихся»⁴.

Отдельный интерес был у политических элит Центрально-Азиатского региона, стремившихся закрепить свою власть в недавно образованных союзных и автономных республиках. Языковая реформа была нужна им постольку, поскольку она способствовала созданию более чётко различимых контуров новых этнических идентичностей, приданию легитимности новым государственным образованиям и их

впервые установленным границам. В то же время с точки зрения возможного воздействия на эти идентичности латинский алфавит, в отличие от арабского и кириллического, представлялся нейтральным и в политическом, и в идеологическом, и в этнокультурном отношении. Также в республиках ЦА имело место искреннее стремление — и не только в среде элиты, но и среди части населения, особенно молодёжи, — к быстрому преодолению значительного культурного отставания, и опыт албанцев, малайцев и суахили как будто свидетельствовал о том, что латиница действительно помогает в этом⁵. Советское общество в первые десятилетия после Октябрьской революции находилось под воздействием общемирового тренда модернизации, которая понималась как европеизация и секуляризация общественной жизни, государственного устройства и культуры. Здесь достаточно сослаться на пример Турции, где языковая реформа развернулась в те же годы, что и в ЦА, и где поныне убеждены в том, что переход на латиницу был одним из главных факторов роста грамотности населения⁶. Так что языковые преобразования того времени в СССР вполне вписывались в общемировой контекст.

Энтузиазм части (впрочем, небольшой) населения региона и революционный пафос отказа от наследия прошлого ради обретения светлого социалистического будущего умело использовались властями для проведения латинизации языков. Но наивно было бы полагать, что перевод на латиницу являлся, как это изображала советская пропаганда и историография, исключительно инициативой «снизу», нашедшей поддержку у центральных властей. Как мы покажем далее, латинизация была предопределена решениями «наверху».

Вообще говоря, идея перехода на латиницу не была ни абсолютно новой, ни принятой к исполнению внезапно и одномоментно. Ещё во второй половине XIX века азербайджанский просветитель Мирза Фатали Ахундов разработал проект нового тюркского алфавита на основе латинской и греческой графики. Первая практическая попытка внедрить латинизированный алфавит была предпринята в Якутии: в 1917 году он был подготовлен, в 1920 — официально принят. Правда, из-за наличия в этом алфавите ряда недостатков в 1929 году Якутия перешла на унифицированный латинизированный алфавит⁷. Почти одновременно началась латинизация алфавита в Азербайджане: в 1918 году, то есть ещё до установления советской власти, на рассмотрение азербайджанского меджлиса было подано три проекта латинизированного алфавита. В ходе открытых дискуссий, устроенных советским правительством Азербайджана в декабре 1921 года, были озвучены аргументы «латинистов» и «арабистов». Власти посчитали

более убедительными доводы в пользу латинизации и принялись за проведение реформы. В 1922 году был создан комитет по переходу на латинский алфавит во главе с самим Нариманом Наримановым, председателем СНК АзССР и Союзного Совета Закавказской Федерации. Декретом от 27 июня 1924 года новый алфавит был объявлен государственным и обязательным к использованию на территории АзССР⁸. Несколько раньше, в 1923 году, на латинскую графику перешли Северная Осетия, Ингушетия и Кабарда.

В 1926 году в Москве был учреждён Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита (ВЦК НТА). Местом его пребывания избрали Баку — с организацией представительства в Москве для связи с союзными органами по организационно-финансовым вопросам. В комитет входили 39 членов, они представляли все тюркские союзные и автономные республики, Северо-Кавказский край, Дагестанскую АССР, тюркское население Армении и Грузии. 1 июня 1927 года состоялся первый пленум ВЦК НТА; на нём было предложено превратить комитет из консультативного органа в руководящий и планирующий. Тогда же комитет выбрал из 17 предложенных проектов унифицированного латинского алфавита азербайджанский проект и утвердил его для дальнейшего распространения⁹. Таким образом, к 1926 году, когда началась кампания по массовой латинизации тюркских языков, в СССР был накоплен немалый теоретический и практический опыт в этой области. Привлекались крупные лингвисты, такие как Самед-ага Агамалы-оглы, Б.М. Гранде, Е.Д. Поливанов, А.А. Реформатский, Л.В. Щерба, Н.В. Юшманов, Н.Ф. Яковлев и др., были задействованы необходимые крупные материальные и административные ресурсы.

Решающим этапом в проведении латинизации стал Первый Всесоюзный тюркологический съезд, состоявшийся в Баку в феврале—марте 1926 года. Столицу Азербайджана выбрали для его проведения не случайно: азербайджанский язык уже был переведён на латиницу. На съезде присутствовали представители всех тюркских автономных областей и республик, а также делегаты от академий наук СССР и Украины, от общесоюзной и Закавказской ассоциаций востоковедов, учёные из Турции, Германии и других стран, Президент Турецкой Республики Мустафа Кемаль. После обсуждения съезд большинством голосов принял резолюцию с рекомендацией о переводе алфавитов всех без исключения тюркских народов СССР с арабской на латинскую графику¹⁰. Итоги голосования были следующими: «за» — 101 голос, «против» — 7 и 6 воздержавшихся¹¹. Так реформа получила легитимные основания для обретения ею всесоюзного масштаба.

В 1927 году Президиум ЦИК СССР утвердил персональный список ВЦК НТА — с председателем С. Агамалы-оглы¹², заместителем председателя Файзуллою Ходжаевым¹³ и с Акмалем Икрамовым¹⁴ в качестве члена комитета. На втором пленуме ВЦК НТА, прошедшем в январе 1928 года в Ташкенте, были определены этапы реформы: немедленное введение латиницы в школах второй ступени (средних) и в профессионально-технических училищах, а с 1928/29 учебного года — и в школах первой ступени (начальных). Третий пленум состоялся в Казани в декабре того же 1928 года. На нём договорились о сроках проведения реформы: пять-шесть лет — слишком долго, один год, как в Турции, — нереально; сошлись на компромиссном варианте: два, максимум три года¹⁵. 15 августа 1930 года Президиум Совета Национальностей ЦИК СССР принял решение о переводе комитета, деятельность которого давно вышла за пределы Азербайджана, из Баку в Москву. Аппарат его насчитывал 29 человек, разделённых на четыре сектора: кавказских, тюркско-татарских, угро-финских языков и технологический. Всего же комитет курировал работу по латинизации 70 языков народов СССР¹⁶. С начала 1930-х годов на первый план вышли его административные функции, поскольку развернулась «борьба за досрочную латинизацию». Вместе с тем главной задачей стало уже не создание алфавитов, а развитие литературных языков народов СССР, что за один-два года сделать было никак невозможно.

Уже из истории комитета видно, что процесс перевода на латинскую графику находился под постоянным контролем партийно-государственного аппарата. В качестве дополнительного доказательства приведём пример Киргизии, типичный для среднеазиатских республик. Вопрос об унификации нового киргизского алфавита с алфавитами других тюркских народов страны был решён здесь на совещании ответственных руководителей и культурно-просветительских работников республики, состоявшемся 1 июля 1926 года. Переход на латинизированный алфавит был тесно увязан с национально-государственным строительством. В постановлении Учредительного съезда Советов Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики от 12 марта 1927 года среди других решений было записано: «Ввести в Киргизстане в обязательном порядке новокиргизский алфавит с текущего 1927 года»¹⁷. После того как в июне 1927 года в Баку Комиссией по унификации новых тюркских алфавитов был окончательно разрешён вопрос алфавитного единообразия¹⁸, Четвертая Киргизская областная партийная конференция, прошедшая в ноябре 1927 года, приняла решение о необходимости «усиления темпа работы по внедрению и укреплению нового

киргизского алфавита»¹⁹. 12 декабря 1927 года правительство Киргизской АССР постановило признать латинский алфавит государственным. Поначалу он применялся в делопроизводстве наряду с арабским — с той разницей, что документы на новом алфавите исполнялись в первую очередь. Должностные лица, игнорировавшие латинский алфавит, подлежали привлечению к уголовной ответственности. Как сказали бы сейчас, для осуществления реформы был активно задействован мощный административный ресурс советской партийно-государственной системы.

В 1928/29 учебном году Народный комиссариат просвещения республики всё преподавание в школах и делопроизводство в системе просвещения перевёл на новый алфавит. В октябре 1928 года ЦИК Киргизской АССР объявил, что число грамотных на латинице за короткое время сравнялось с числом грамотных на арабском алфавите. ЦИК также установил сроки перевода на латинский алфавит делопроизводства во всех учреждениях: в центральных — не позже 1 января 1929 года, в кантонных и районных — не позже 1 марта, в волостных — не позже 1 июня, а в сельсоветах — не позже 1 сентября того же года²⁰. Особый упор был сделан на переводе на латиницу типографского дела. До 1927 года все книжные издания в республике выходили на арабском алфавите. В 1927—1928 годах удельный вес изданий на латинизированном алфавите составил во всей книжной продукции 22,9 %, а в последнем квартале 1929 года поднялся до 82,5 % (в целом по году — до 72,2 %). В 1930 году уже вся книжная продукция издавалась на новом алфавите. Кроме того, в 1928 году был переведён на латинскую графику дунганский язык, и с того же года начали выходить книги на нём²¹. Наконец, 29 ноября 1929 года Президиум ЦИК Киргизской АССР принял постановление об окончательной ликвидации арабского алфавита. В нём говорилось²²:

«...1. С 1 января 1930 года совершенно изъять из употребления старый (арабский) алфавит во всех отраслях производства на всей территории Киргизской АССР, заменив его новым киргизским национальным латинским алфавитом.

2. Запретить с 1 января 1930 года на всей территории Киргизской АССР всякие издания, ведение делопроизводства и письменных сношений учреждений, организаций и предприятий на старом (арабском) алфавите».

То есть арабский алфавит предполагалось изъять из употребления на два года раньше, чем было установлено на Первом Учредительном съезде Советов Киргизской АССР в 1927 году²³. Правда, этого не уда-

лось добиться, и сроком окончательного перевода на латиницу литературы и делопроизводства был признан 1931 год²⁴.

Можно было ожидать, что в отличие от Киргизии с её кочевым титульным населением и слабой письменной традицией, в соседнем земледельческом Узбекистане, где грамотность на арабской графике была укоренена значительно дольше и глубже, реформа встретит заметное сопротивление. Этого, однако, не случилось. Слабое сопротивление латинизации было обусловлено тем, что основные споры велись здесь вокруг выбора из нескольких имевшихся диалектов одного опорного, на основе которого строился бы узбекский литературный язык. Ко времени тюркологического съезда в Баку вся узбекская интеллигенция была охвачена яростной борьбой за возведение «своего» диалекта в ранг единого литературного языка. Как следствие, сторонники арабского алфавита были раздроблены, и латинизация не встретила в Узбекистане организованного отпора, как в Казахстане и Татарстане²⁵.

В 1926 году на Четвёртой сессии ЦИК Узбекской ССР решено было отказаться от арабского алфавита и перейти на латинский. Создается Центральный Комитет ново-узбекского алфавита (ЦК НУА) из 44 человек, в их числе — Ю. Ахунбабаев²⁶ (председатель), Акмаль Икрамов, Файзулла Ходжаев, А. Фитрат²⁷ и др. По первоначальному плану, утверждённому ЦИК Узбекской ССР, переход на новый алфавит должен был завершиться в республике к концу 1932 года. Но «успехи социалистического строительства на всех фронтах» вынуждают эти сроки сокращать (вполне в духе и темпе первых пятилеток): переход объявляется законченным уже в конце 1929 года²⁸.

В Туркмении реформированная арабская графика изначально вводилась как временная, сменившая её латиница оказалась не совсем удачной, и с 1928 года туркменский язык был переведён на унифицированный латинский алфавит²⁹.

Несколько слов об оппозиции латинизации. С заметным сопротивлением латинисты столкнулись в Татарстане и Казахстане. Основная причина: в обеих республиках арабская графика была успешно реформирована — хорошо приспособлена под звуковые особенности татарского и казахского языков и благодаря этому освобождена от главного своего недостатка. Вот что писал по этому поводу выдающийся русский лингвист Е.Д. Поливанов, активно участвовавший в разработке тюркских алфавитов на латинице³⁰:

«...Если бы вопрос о казахском письме... мог бы решаться “вне времени и пространства” — без необходимости считаться с графикой соседних народностей (а тем более вне задач графических приёмов), то казахская школа вполне могла

бы удовлетвориться “орфографией” 1924 года. Ясно и то, что без примера и призыва со стороны других национальностей (и, прежде всего, Азербайджана) в Казахстане не было достаточного импульса для замены своего письма латинским.

Даже после решения о латинизации, принятого на Первом Всесоюзном тюркологическом съезде, в Казахстане продолжали действовать сторонники реформированного арабского письма, причём из числа не только бывших активистов национально-демократической партии «Алаш», но и её идейных противников коммунистов. Например, Смагул Садвокасов, до ноября 1927 года бывший наркомом просвещения в правительстве КазАССР, «был против латинизации, как меры, навязываемой русификаторами, т. е. по существу меры дальнейшей колонизации края, только колонизации “красной”»³¹. Но сопротивление «арабской оппозиции» не могло остановить латинизации. 7 марта 1929 года ЦИК СССР и СНК СССР своим постановлением запретили применение арабской графики на всей территории страны³².

Необходимо отметить факторы, существенно облегчившие центральноазиатским республикам переход на латиницу. Прежде всего, в их распоряжении был опыт других республик СССР, где латинизация началась и закончилась раньше. Далее, высоким был уровень неграмотности в регионе, то есть сравнительно немного и тех, кого требовалось переучить. Для них открыли курсы с правом сдачи экстерном экзамена на получение аттестата грамотности на новом тюркском алфавите. В ЦА было гораздо легче провести замену старого арабского алфавита новым, чем, например, в Турции, ещё и потому, что не в интересах советской власти было переводить на латиницу большое число книг, изданных на арабской графике. Не так много было в крае и типографий, которые надо было переоснащать.

Концентрация необходимых материальных ресурсов, полномасштабное применение административного ресурса, активная агитационная кампания и низкий образовательный уровень населения — всё это позволило провести латинизацию языков в сжатые сроки. Если доверять данным официальной статистики, то переход к латинской графике ускорил процесс ликвидации безграмотности и малограмотности. Применение для этой цели арабского алфавита дало удвоение грамотных в ЦА за семь лет; после перехода на латинский алфавит число грамотных за тот же срок увеличилось уже в 6 раз³³. В Киргизской ССР в 1939 году доля грамотных была 79 % населения, тогда как в 1926 году — только 15 %³⁴. Но расходы на образование росли ещё более быстрыми темпами; так, в той же Киргизии они поднялись с 592 тыс. рублей в 1924 году до 28 млн 581 тыс. в 1934 — более чем в

48 раз³⁵. Поэтому можно обоснованно утверждать, что не меньшую роль в победе над неграмотностью сыграли значительные капиталовложения в образование, открытие школ, обязательность школьного образования и т. д. А вот качественные показатели оставляли желать лучшего. Уровень грамотности учителей и учащихся национальных школ к середине 1930-х годов скорее снизился, чем повысился. Завуалированное подтверждение этому можно найти в отчёте о состоянии начальных школ Киргизской ССР за 1935 год³⁶:

«...Учащиеся не овладевают в достаточной степени основами наук (родной язык, математика, география, обществоведение и история), весьма плохо читают и зачастую не понимают прочитанного, плохо усваивают арифметические действия с целыми числами, не умеют читать географические карты <...> Низкое качество преподавания приводит к тому, что учащиеся 3 и 4 классов в письменных работах по родному языку делают на одной странице по 15—20 грубых грамматических ошибок».

Можно предположить, что тут мы видим негативные последствия латинизации, хотя при заданных в те годы темпах ликвидации неграмотности качество получаемого образования, вероятно, падало бы и без перевода на латиницу. Но если вопрос о плюсах и минусах латинизации в образовании остаётся спорным, не вызывает сомнений, что прочие цели сил, заинтересованных в реформе, прежде всего политические и идеологические, были достигнуты.

**Кириллизация:
символ единства народов, укрепление унитарного государства,
попытка алфавитной гомогенизации**

Ещё больше вопросов и споров, чем латинизация, вызывает последовавший вскоре перевод латинизированных алфавитов народов СССР на кириллическую графику. Эта реформа стала планироваться в 1936 году, а осуществлялась в 1940—1941 годах. Для её подготовки и реализации в каждой из республик ЦА были созданы правительственные комиссии. Новый алфавит, созданный на основе русского варианта кириллицы, ускоренными темпами был внедрён в систему образования, в делопроизводство, литературу и СМИ.

Рассмотрим более подробно, как это происходило, опять-таки на примере Киргизской ССР. В 1940 году правительство республики приняло постановление, в котором говорилось³⁷:

«Все правительственные издания на киргизском языке, периодические (газеты, журналы) и непериодические (научные труды, сборники и т. п.), все документы должны печататься согласно своду правил по новой киргизской орфографии».

По существу, то был приказ о немедленном практическом переходе на новый алфавит. Примечательно, что проект перевода киргизской письменности с латиницы на кириллицу был принят Верховным Советом Киргизской ССР 31 января 1941 года, то есть задним числом, после начала практической реализации реформы. Чтобы успеть в кратчайшие сроки, не жалели средств. Этим, скорее всего, объясняется, почему вдруг резко подскочили расходы на социально-культурные нужды: например, в бюджете Киргизской ССР на 1939 год они увеличились в сравнении с 1929/30 учебным годом в 34 раза!³⁸

За основу кириллических письменностей был взят русский алфавит. Даже порядок букв в нём и буквы для обозначения звуков, ранее вообще отсутствовавших в тюркских языках (например, *щ, ц, ф*) сохранили неизменными, равно как и такую специфическую его черту, как наличие йотированных гласных (*ё, ю, я*). В отличие от алфавитов, введённых в ходе латинизации, в кириллических алфавитах царил графический разнобой вследствие их ускоренного внедрения. Так, для одних и тех же звуков немотивированно использовались различные буквы³⁹.

В отличие от латинизации, перевод на кириллицу был спланирован только политической элитой, без какой-либо инициативы или поддержки «снизу». Ко второй половине 1930-х годов революционный потенциал в стране был исчерпан, советское общество находилось под полным контролем государства. Фактически перевод на кириллицу знаменовал отказ политического руководства СССР от курса на всемирную революцию и замену его курсом на «построение социализма в отдельно взятой стране». А ощущение приближения новой мировой войны ускорило решение о реформе и вынудило максимально сократить время её проведения. При этом, разумеется, в официальных документах и СМИ утверждалось, что власти страны лишь «удовлетворяют просьбу советских и партийных организаций... о переводе письменности... с латинизированного на русский алфавит»⁴⁰.

И всё же не стоит считать процесс перевода алфавитов на кириллицу своего рода «контрреформой», и только. Официально кириллизация объяснялась необходимостью унификации алфавитов тюркских народов СССР: дескать, в латинизированной версии они всё равно отличаются друг от друга, а кириллица это исправит. Писали и

говорили и о технических преимуществах кириллицы по сравнению с латиницей в смысле дальнейшего подъёма культуры, о том, что переход на неё станет важным шагом на пути укрепления единства народов страны. Все доводы можно свести к двум: кириллица — способ алфавитной гомогенизации и символ единства народов. Но главная причина новой реформы не была публично заявлена Кремлём. Со второй половины 1930-х годов в руководстве СССР возобладала установка на расширение сферы функционирования русского языка, на укрепление его доминирования на культурном, информационном, образовательном и научном пространстве страны. Это косвенно подтверждается употреблением в официальных документах о переводе на кириллицу термина «русский алфавит», а не какого-нибудь другого, более нейтрального. Можно также напомнить, что 13 марта 1938 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей»⁴¹. Насколько важным это считалось, видно хотя бы по тому, что даже количество часов русского языка в национальных школах определялось специальным дополнительным постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 июля 1938 года за личной подписью И.В. Сталина и В.М. Молотова⁴².

В СССР к тому времени русский язык действительно стал широко востребованным за пределами русского этноареала — как язык не только межнационального общения, но и администрации, образования, науки и культуры. Это хорошо понимали и элиты, и в значительной мере население республик, что способствовало быстрому проведению кириллизации. ЦК КП(б) Киргизской ССР в 1940 году констатировал⁴³:

«За последние два года изучение русского языка значительно продвинулось вперёд не только среди учащихся всех возрастов, но и среди взрослого населения. Тяга к изучению русского языка со стороны киргизского народа колоссальна. Надо пойти навстречу этой тяге, в частности, при помощи перевода киргизской письменности на русский алфавит, что, безусловно, облегчит изучение русского языка».

Таким образом, хотя в случае с переводом на кириллицу нет оснований говорить о какой-либо «самодеятельности масс», нельзя одновременно утверждать, что этот перевод совершенно не отвечал запросам по крайней мере части титульного населения в советских республиках, в особенности запросам тех, кто жил в городах и был занят в сфере управления, науки, образования и промышленности. Как,

впрочем, нельзя утверждать и то, что смена алфавита не вела к усилению зависимости от центральных властей в финансовом, культурном и информационном аспектах и к дальнейшему увеличению культурной дистанции между «кириллизированными» народами и их родственниками по другую сторону советской границы.

**Релатинизация:
символ независимости, движение к этносу-государству,
новая попытка модернизации**

В 1991 году СССР распался, на политической карте мира появились 15 новых независимых государств. В них, однако, осталось много «советского», в том числе — способы проведения государством языковой политики, языковых реформ и экспериментов. Русский язык (вместе с его носителями) стали выдавливать, заменяя его национальным — титульным для каждой республики. Логика властителей «национализирующихся государств»⁴⁴ проста: каждый их гражданин обязан знать и использовать в повседневной жизни государственный язык. При этом политики не учитывают мнения и желания самих граждан, их права и свободы, потребности развития социума и экономики. Одновременно во всех государствах ЦА стали проводиться мероприятия, акцентирующие общественное внимание на *традиционной культуре* титульных этносов и её актуальности в условиях независимости. Наконец, ещё до получения независимости возникла идея вернуть титульным языкам латинскую графику. Причины стремления к релатинизации очевидны: символический отказ от советского прошлого в виде кириллицы; демонстрация независимости и стремления к модернизации и вестернизации; расчёты на ускоренное вхождение через новый латинизированный алфавит в мировое сообщество. Не меньшее значение имели намерения элит огородить информационное и культурное пространство своих «национализирующихся государств» «алфавитно-языковым железным занавесом», ослабить позиции русского языка и его носителей.

В ЦА релатинизация была осуществлена в Узбекистане и Туркменистане, собираются её провести в Казахстане. В стороне от процесса остались Кыргызстан и Таджикистан. Пионерами же релатинизации на всём постсоветском пространстве стали Молдавия и Азербайджан.

Раньше других, ещё в «советском» 1989 году, был переведён с кириллицы на латиницу молдавский язык. Это объяснялось тогдашним

национально ориентированным руководством Молдавии необходимостью «воссоединения» молдавского языка с румынским, диалектом которого молдавский нередко объявляется. При этом в молдавских школах Приднестровья до сих пор по-прежнему используется кириллица.

В Азербайджане вопрос о релатинизации письменности был поднят в начале 1990-х, когда страной правил Народный фронт. Политический смысл перехода был ясен: правящая элита надеялась на максимальное сближение с Турцией, а поскольку азербайджанский и турецкий языки близкородственны, латинская письменность повышала открытость Азербайджана для нового «старшего брата», снимала барьеры при коммуникации. 25 декабря 1991 года был принят Закон Азербайджанской Республики «О восстановлении азербайджанского алфавита с латинской графикой»⁴⁵. Гейдар Алиев, придя в 1993 году к власти, не отменил, но затормозил переход на латиницу. Указ об окончательном переходе на неё он подписал только в июне 2001 года, когда, согласно выдвинутому Алиевым-старшим принципу «одна нация — два государства», страна перешла к равноправному диалогу с Турцией. Но даже после указа некоторые оппозиционные газеты отказывались поначалу расставаться с кириллицей⁴⁶.

Практические результаты релатинизации хорошо видны на улицах Баку: почти вся реклама — на латинице. По мнению председателя местного журналистского объединения «Новое поколение» Арифа Алиева, шаг этот, «очень нужный и важный, но недостаточно подготовленный», может привести к резкому сокращению числа читателей газет и журналов; кроме того, релатинизация больно ударила по русскоязычным жителям страны. Иначе считает член госкомиссии по языку ректор Бакинского Славянского университета профессор Кямал Абдуллаев; по его мнению, несмотря на «технические сложности», выгоды от реформы более весомы: она сблизит Азербайджан с мировой культурой⁴⁷.

Туркменистан. В ЦА релатинизация алфавитов началась с этой страны. В ней мнение населения не только не учитывалось, но даже и не зондировалось, всё решалось единолично главой государства. 25 июня 1993 года президент С. Ниязов подписал постановление № 1380, утвердившее Государственную программу по внедрению в жизнь нового алфавита туркменского языка⁴⁸. Спустя год, 29 сентября 1994 года появилось за его подписью постановление № 1956 с планом и графиком выполнения правительством практических мероприятий по введению нового алфавита в учебных заведениях. Перевод на новый латинский алфавит намечалось завершить в течение трёх лет, а начать обучение на нём с 1995/96 учебного года. Для дос-

тижения этой цели министерство образования Туркменистана должно было до 31 декабря 1994 года подготовить рукописи учебников с использованием нового алфавита туркменского языка для первого и пятого классов общеобразовательных школ на основе новых учебных программ для девятилетней средней школы и представить их в Комитет по печати при правительстве Туркменистана для издания. Тиражировать новые учебники разрешалось только после согласования с Высшим советом по науке и технике и с Национальным советом по развитию культуры и искусства (оба совета — при Президенте Туркменистана). Контроль над выполнением постановления возлагался на Государственный организационный комитет, руководивший работой по переходу⁴⁹.

Одновременно с переводом письменности на латинскую графику была проведена, и не один раз, чистка туркменского языка от русизмов и интернационализмов. В результате из него исчезли слова «акт», «гражданин», «документ», «командировка», «комиссия», «материалы», «медицина», «орган», «президент», «протокол», «социальный», «территория», «форма» и др. Причём из-за отсутствия в туркменском языке точных соответствий устранимым словам в ходе замены последних фактически происходила замена смыслов: гражданина сменил подданный (*райат*), орган власти — учреждение (*эдер*), комиссию — группа (*топар*) и т. п. Параллельно с релатинизацией были закрыты все русскоязычные СМИ за исключением газеты «Нейтральный Туркменистан». По состоянию на 2002 год в Туркменистане было 13 государственных газет, из них 12 — на туркменском языке и «Нейтральный Туркменистан» — на русском⁵⁰. Частных же СМИ в Туркменистане вообще нет.

Вытеснение русского языка и русскоязычных граждан из разных сфер политической и общественной жизни привело к катастрофическим последствиям. Массированная «коренизация» кадров не просто лишила рабочих мест многих высококвалифицированных специалистов из числа русских или обрусевших туркмен, ранее занимавших высокие должности в образовании или здравоохранении, — она негативно повлияла на качество жизни всего общества. Ибо вакуум, образовавшийся после их изгнания, до сих пор не удалось заполнить⁵¹. Совокупный эффект языковой реформы и других мероприятий по «туркменизации» общества выразился в глубоком падении уровня образования, здравоохранения, науки, культуры и искусства. Выросло поколение молодёжи, не имевшее доступа к достижениям мировой системы образования, науки и культуры и не знающее собственной дореформенной литературы.

Большой интерес для понимания последствий релатинизации туркменского языка представляют следующие наблюдения профессионального этнографа Сергея Демидова⁵²:

«С середины 80-х годов, с началом перестройки, всколыхнувшей все национальные регионы, наблюдалось стремление многих, вспомнивших, очевидно, выражение классика, что “язык — оружие в жизненной борьбе”, к овладению туркменским. Мне, ещё в 1968 году поднявшему в республиканской периодической печати вопрос об изучении туркменского языка нетуркменами, живущими в Туркменистане, пришлось вести языковые курсы почти в десятке учреждений, в том числе в Совете Министров ТССР и ЦК ЛКСМТ. Причём среди великовозрастных слушателей можно было увидеть не только русские, но и туркменские лица: ведь согласно последней всесоюзной переписи 1989 года, пять процентов туркмен указали своим родным языком русский или иной.

Однако к 1993 году языковой ажиотаж спал. Потенциальные члены кружков и курсов по изучению туркменского объясняли это просто: “Ну и что, изучу я язык, а всё равно продвижения по работе он не даст — своего поставят”. Пугали и дополнительные трудности в виде нового элипби — туркменского алфавита, созданного на базе латинской графики, который власти, начиная с 1991 года, пытались провести в жизнь. Делается это для того, чтобы отмежеваться от кириллицы, называемой в обиходе русским алфавитом, и приблизиться к алфавиту турецкому. Ибо Турция, судя по всему, заняла первое место среди международных интересов нового туркменского руководства».

Изменение языковой ситуации и языковой политики повлияли и на миграцию. После 1991 года русскоязычные уезжали из Туркменистана непрерывным потоком, направляясь в основном в Россию. Если по переписи 1979 года славяне (русские, украинцы, белорусы) составляли в Туркменистане 17 % населения, то к концу 1999 года, как констатировал в своём выступлении сам Туркменбаши, их доля сократилась до 3 %⁵³.

Узбекистан. Здесь, как и в Туркменистане, никаких открытых дискуссий по вопросу о выборе графической основы письменности не проводилось. Правительство остановилось на латинице по четырём причинам: укрепление суверенитета через ускоренное повышение статуса и уровня практической функциональности узбекского языка; страх перед радикальным исламом, с которым ассоциировался арабский алфавит; демонстрация стремления к модернизации и вестернизации; обещание Турции взять на себя финансовое обеспечение реформы.

Закон от 2 сентября 1993 года «О введении узбекского алфавита, основанного на латинской графике» был принят с нарушением статьи 9 Конституции Республики Узбекистан, гласящей, что «наиболее важные вопросы общественной и государственной жизни выносятся на обсуждение народа, ставятся на всеобщее голосование (референдум)»⁵⁴. По процедуре принятия он оказался типично советским: новый алфавит вводился директивно, тем не менее решение, принятое келейно, преподносилось как шаг навстречу «пожеланиям широкой общественности». По сравнению с советской эпохой новым моментом стала законодательно закреплённая терпимость к альтернативным формам письменности⁵⁵. Практические шаги по переходу на новый алфавит в Узбекистане начались с того, что все расходы на введение новой графики были официально возложены на собственников предприятий (кроме бюджетных организаций). Новые правила узбекской орфографии были разработаны и утверждены в течение двух последующих лет, после чего написанные на кириллице таблички с названиями улиц и транспортных маршрутов заменили на латинизированные (а заодно и большинство русских названий — на узбекские). Были отпечатаны учебники для первых классов, и с 1 сентября 1996 года дети, впервые пришедшие в школу, начали учиться читать и писать уже по новым буквам. Датой окончательного перехода страны на новую графическую систему определили 1 сентября 2005 года⁵⁶. Попутно на латинский алфавит перевели и каракалпакский язык, на котором в Узбекистане говорят примерно 400 тыс. человек⁵⁷.

Параллельно с релатинизацией предпринимались меры по сужению сферы функционирования русского языка в Узбекистане. Так, из новой редакции закона «О государственном языке», принятой 21 декабря 1995 года, была исключена основополагающая формулировка о том, что на территории Республики Узбекистан обеспечивается пользование русским языком как языком межнационального общения⁵⁸.

Алфавит 1993 года в основном совпадал с вариантом латиницы, поддерживаемым Турцией, но законом от 6 мая 1995 года он был «реформирован». В общей сложности в нём вместе с апострофом стало 29 знаков. Его особенностью является отказ от специальных символов и иных, кроме апострофа, диакритических знаков, присутствующих в турецкой латинице (что явилось следствием охлаждения узбекско-турецких отношений, переориентации узбекистанской элиты на сотрудничество с США). В классической латинице на семь букв меньше, чем в кириллице, поэтому отсутствие специальных знаков и символов пришлось компенсировать удвоением. «Двойными» стали в буквенной передаче звуки, ранее писавшиеся в виде кириллических

ч и ш, а теперь пишущиеся в виде взятых из английского языка буквосочетаний *ch* и *sh*, в некоторых вариантах написания — звук, в кириллице отображаемый с помощью *ц*, и гласные звуки, для передачи которых в кириллическом алфавите используются буквы *я*, *ю*, *ё*, а в начале слова — и звук, передаваемый буквой *е*⁵⁹.

В результате написание слов значительно удлинилось. Сравним слова с шипящими: двухбуквенное слово *иш* (дело, работа) стало трёхбуквенным *ish*, четырёхбуквенное *ишша* (стекло, бутылка) разрослось в шестибуквенное *shisha*, а семибуквенное *шаршара* (водопад) — в девятибуквенное *sharshara*. Не лучше получилось и с гласными: после замены *я*, *ю* и *ё* на *ya*, *yu*, *yo* вместо двухбуквенного слова *юк* (груз) имеем трёхбуквенное *yuk*, вместо двухбуквенного же *ёш* (возраст; лет, юный) — четырёхбуквенное *yosh*, вместо *якшанба* (воскресенье) — *yakshanba* и т. д. Одиночная кириллическая *е* в начале слова и после гласных тоже удвоилась и стала писаться как *ye*: *ep* (земля) — *yer*, *emmi* (семь) — *yetti*, *emmiush* (семьдесят) — *yetmish*. Буквы *х* и *ч* превратили в *x* и *h*. Букву *ц* «разделили» при замене на *s* и *st*, употребляемые в зависимости от положения соответствующего звука в слове. Соответственно *цирк* преобразился в *sirk*, *мотоцикл* — в *mototsikl*, *цемент* — в *tsement* (пишется и *sement*), *цистерна* — в *sisterna*, *целлофан* — в *tsellofan* (пишется и *sellofan*), *цилиндр* — в *silindr* / *tsilindr*. Больше всего проблем возникло со словами и терминами, заимствованными из других языков и содержащими сразу несколько «модернизированных» букв. Список их можно продолжать очень долго: *aviatsiya*, *aksiya*, *assotsiatsiya*, *fraksiya*, *investitsiya*, *leksiya*, *militiya*, *operatsiya*, *parfyumeriya*, *reanimatsiya*, *repetsiya*, *revolyutsiya*, *rezolyutsiya*...

В целом можно с уверенностью констатировать, что принятый в Узбекистане вариант латиницы удлиняет написание слов, некоторых — в полтора-два раза, в среднем же написанные на ней тексты по сравнению с кириллическими длиннее на 10—15 %. В лингвистическом смысле это и есть основной итог перевода узбекского и каракалпакского языков на новый алфавит.

В своём большинстве политическая элита Узбекистана остаётся русскоязычной, что отражается на национализирующейся языковой политике и релатинизации, делает их непоследовательными. Вот что отмечает А. Космарский⁶⁰:

«Проблема смены политической и языковой парадигмы в Узбекистане заключается в том, что в стране не произошло никаких радикальных перемен, которые подготовили бы почву для подобного сдвига. Не было никакой “революции”: ни кровавой, ни интеллектуальной. Люди, ответственные за

языковые реформы, сами плоть от плоти советской системы. Многие из них не желали разрыва с ближайшим прошлым <...> По словам лингвистов... наверху тяготеются принятым... решением и не против того, чтобы тихо отыграть назад — но так, чтобы не потерять лицо».

Сфера применения латиницы остаётся узкой, почти не выходит за пределы государственных учреждений и средней школы. В 2005 году состоялся первый выпуск учеников, с начала до конца обучавшихся на латинской графике. Латинская графика преобладает в написании названий улиц и транспортных маршрутов, в надписях в метро. На латиницу переведены делопроизводство, частично — учебная литература, книги для детей и издания классической узбекской литературы. Но в электронных СМИ и в текстах, циркулирующих в бизнесе, доминирует кириллица; на ней же выходят многие газеты и журналы, подавляющее большинство художественной и научно-справочной литературы. Даже религиозные мусульманские книги и брошюры печатаются исключительно на кириллице. Правда, нередко в качестве своеобразного знака политической лояльности названия изданий, печатающихся на кириллице, пишутся латинскими буквами. Или в сборниках и журналах встречаются наименования рубрик, а иногда и отдельные статьи, набранные на латинице. Часто узбекские тексты выполняются и на кириллице, и на латинице, да ещё дублируются по-русски. Это касается и государственных учреждений, и частных организаций. Даже книги издаются подчас на двух алфавитах⁶¹. Не спешит окончательно перейти на латинский алфавит и узбекское телевидение: в одних фильмах и передачах заставки, титры и рекламные вставки снабжаются надписями на латинице, в других — на кириллице, ошутимого перевеса какой-либо вид графики не имеет⁶².

Графическую ситуацию в стране точно отражает Ташкентский аэропорт. Неоновые табло исполнены на английском языке и на узбекской латинице, тогда как объявления, написанные от руки или отпечатанные на принтере, — только на узбекской кириллице и обычно продублированы на русском языке. Ещё одним доказательством нечёткой позиции властей и смутной семантики алфавитов может служить отсутствие единой стратегии в вопросе о графике у международных корпораций. Это видно даже в рекламе, нацеленной на молодёжь: *Coca-Cola* использует на своих рекламных щитах латиницу, *Wrigley* — кириллицу⁶³. Наконец, в узбекской зоне Интернета также соседствуют обе графические системы. Большинство сайтов пользуются кириллицей, но создаются сайты и на латинице, причем её применение зачастую ограничивается написанием названий рубрик и заголовков

статей. Непременную дань латинице в той или иной мере отдают сайты государственных ведомств и структур, печатая латинскими буквами хотя бы заглавия разделов или отдельных публикаций, хотя тексты под ними размещены на кириллице. Отдельные сайты дублируют своё содержание на русском и английском языках и на латинице и кириллице. Так выглядит, к примеру, сайт Центрального банка Узбекистана⁶⁴.

Приведём в этой связи оценку известного российского специалиста по языковым реформам В.М. Алпатова⁶⁵:

«Оба письменных варианта узбекского языка постоянно соседствуют друг с другом, иногда совершенно беспорядочно... Однако в целом видна закономерность: чем более существенна потребность взаимопонимания, тем чаще кириллица; чем более значима символическая роль письменности, желание противопоставить узбекский язык русскому, тем последовательнее используется латиница».

Реформа сказала на «сообществе пишущих»⁶⁶, которое в итоге разделилось и сузилось. А для выросшего на латинице нового поколения граждан Узбекистана оказался недоступен основной массив узбекскоязычных и русскоязычных текстов⁶⁷. Мало того что молодёжь лишена возможности знакомиться с мировой литературой в переводах — как на русский язык, так и на узбекский «кириллический», — и из-за этого, как отмечают эксперты, не обладает широким кругозором⁶⁸, к началу нового тысячелетия стало как-то особенно заметно и то, что практически вся узбекскоязычная научно-справочная и образовательная база — от фундаментальных трудов по всевозможным отраслям наук (диссертаций, монографий, научных журналов и статей) до действительно качественных справочников и учебников для вузов — на кириллице и потому для основной массы обучающихся на латинице её словно бы и нет. Лишь очень небольшое число молодых узбеков, имеющих доступ к информации на иностранных языках и регулярно ею пользующихся, преодолевает преграды, воздвигнутые латинским алфавитом⁶⁹. Сказанное относится и к каракалпакскому языку — с тем отличием, что на нём издавалось и издаётся значительно меньше, так что его носителям реформа «подарила» ещё большее падение уровня образованности.

Сейчас внедрение латинской графики в Узбекистане приостановилось. В 2002 году завершение латинизации передвинули на пять лет — с 2005 на 2010 год⁷⁰. Уже и до этого срока осталось не много, но имеются большие сомнения, что его снова не перенесут.

Казахстан. Выступая в августе 2007 года в Астане на сессии Ассамблеи народов Казахстана⁷¹, Н.А. Назарбаев объявил о «постепенном переходе» страны на латинский алфавит и поручил правительству уже через полгода представить конкретные предложения на сей счёт. Он также обязал кабинет министров разработать меры материального стимулирования граждан, изучающих казахский язык. Иначе говоря, он ясно обозначил приоритет языковой политики на ближайшее будущее: казахский язык на основе латиницы⁷².

В случае реализации этих планов русский язык может быть полностью вытеснен из официальной сферы. Казахстан — самая русскоязычная страна Центральной Азии, по-русски здесь говорит большинство населения и элиты, однако вопрос о латинизации обсуждают уже в третий раз и каждый раз — по инициативе Нурсултана Назарбаева. Между тем, даже для казахов столь резкий разворот языковой политики чреват массой серьёзных трудностей. Как минимум, перевод казахского языка на латиницу, мягко говоря, озадачит всех русскоязычных казахов, которые не очень-то владеют и его «русской» версией. Всех их, несомненно, заставят осваивать новый алфавит. Но одними этнокультурными последствиями эффект предполагаемой реформы не будет исчерпываться. По крайней мере, она имеет ещё и важнейшее геополитическое измерение, о котором напоминает одно внешне неприметное «совпадение»: одновременно с провозглашением языковой реформы казахские власти заявили о запуске программы по активному внедрению в образовательную сферу английского языка — с отчётливо просматривающейся перспективой превращения его, взамен русского, в основной иностранный язык, овладеть которым предстоит всем образованным казахам⁷³.

Пресс-служба Министерства образования Казахстана подготовила предварительную аналитическую справку о переводе казахской письменности на латинскую графику. По подсчётам экспертов, на переучивание людей понадобится 12—15 лет и 294 млн долларов, плюс 2 млн уйдёт на замену уличных вывесок. По мнению экспертов министерства, переход на латиницу должен состоять из пяти этапов: 1) изучение зарубежного опыта и расчёт стоимости в 2007—2012 годах; 2) создание нового алфавита и внедрение соответствующей компьютерной программы (2012—2014); 3) издание учебников (2015—2017); 4) обучение по ним (2017—2021); 5) дополнительно семь-восемь лет — на перевод научной и художественной литературы для школ и вузов, и 20—30 — на перевод казахской классической литературы и фольклора. В справке говорится, что «опасения русскоязычного (включая и немалую часть казахов) населения, что русский язык

будет вытеснен из Казахстана, носят преувеличенный характер», латиница «привнесёт новые элементы во взаимоотношения казахского и русского народов». Но почему «опасения преувеличены» и о каких «новых элементах» идёт речь, в справке не уточняется⁷⁴.

По мнению директора казахстанской Группы оценки рисков, политолога Досыма Сатпаева, неоднократное возвращение Н. Назарбаева к теме латинизации — следствие убеждённости казахстанского президента в том, что латиница «позволит стране продвинуться в международное пространство». Вместе с тем, переход страны на латиницу — вопрос не приоритетный и дело неблизкого будущего. Российские эксперты связывают заявления о переходе на латиницу с внешней политикой казахстанского руководства. Вот как, например, считает заведующий отделом Казахстана и Центральной Азии Института стран СНГ Андрей Грозин⁷⁵:

«Уверен, это давний инструмент казахской “многовекторности”. После заявлений Назарбаева по Прикаспийскому газопроводу следовало ожидать подобного реверанса в сторону США. Хотя есть и внутренние причины: в стране развиваются националистические движения, их курирует администрация президента, и в будущем они могут войти в парламент. Они громче всех ратуют за латинизацию».

Российский эксперт согласен, что это случится не скоро, но считает программу выполнимой. «Скорее всего, её разделят на два этапа: сначала переведут 100 % делопроизводства на кириллический казахский, а затем латинизируют письменность»⁷⁶.

Кыргызстан. В начале 2008 года в этой стране едва ли не впервые вопрос о возможности перевода киргизского языка на латиницу был поднят на официальном уровне. Заявления о необходимости релатинизации сделали некоторые депутаты парламента и чиновники правительства Киргизской Республики⁷⁷. Но дальше заявлений дело пока не пошло.

Таджикистан. Здесь на широкомасштабные лингвистические эксперименты тоже не решились, ограничившись рядом частных изменений. А именно: отказались от четырёх букв, признанных несоответствующими фонетической системе таджикского языка, — от *ц*, *ы*, *щ* и *ь*, обозначавшегося, впрочем, апострофом. При этом *ц* в начале слова теперь заменяют на *с*, а внутри — на *тс*: *сирк* вместо *цирк*, *сех* — вместо *цех*, *полис* — вместо *полияция*, *конститутсия* — вместо *конституция*. Взамен *ы* пишут *и* (было *выбор*, стало *вибор*), вместо *щ* — *ш* (не *щи*, а *ши*). Что касается мягкого знака, то за его ненадобностью параллелей

ему подыскивать не стали, поэтому *князь* пишется как *княз*, *фильм* — как *филм*, *вексель* — как *вексел*⁷⁸.

Итоги релатинизации если и проявились со всей отчётливостью, то только в Туркменистане, где она была проведена с наибольшей последовательностью. Однако всегда следует помнить о том, в каких конкретных условиях совершается та или иная реформа, какой модус и темп задаёт ей правящий режим и что сам этот режим из себя представляет. Если следовать данному правилу, то очевидно, что главная вина в культурной деградации страны за годы правления Туркменбаши лежит не на латинской графике, а на её авторе и протагонисте, не только на самой реформе, но и на методах её проведения. Но это наблюдение не отменяет другие, которые можно уверенно сделать. И в первую очередь — вывод о том, что релатинизация — это политико-идеологический проект этнократических элит, стремящихся к закреплению за собой на максимально длительный период времени неограниченной власти. За их лингвистической аргументацией видно стремление к символическому и практическому отказу от недавнего советского прошлого, к ускоренному обособлению новых государств от прежней «метрополии», к фасадной декларативной модернизации, к закрытию от вторжений извне внешне «безобидными» языковыми средствами информационного пространства новых государств и к получению лингвистического инструмента давления на определённые группы граждан в собственных странах.

По условиям её проведения последняя графическая реформа кардинально отличается от латинизации 1920-х — 1930-х годов: граждане были либо против реформы, либо равнодушны к ней; ни одна из стран, решившихся на релатинизацию, не располагала достаточными для этого материальными и техническими ресурсами; уровень образованности населения был неизмеримо выше, чем 60—70 лет назад; было накоплено и продолжало издаваться такое количество литературы на кириллице, что обеспечить её полное массовое переиздание на латинице неспособна ни одна страна региона. (В скобках добавим, что во всех них публикации на государственных языках — убыточные или малорентабельные, нередко дотируемые государством и всё равно малотиражные, поэтому релатинизация значительно ухудшила экономическое положение издательств, печатающих литературу на узбекском и туркменском языках). Власти при релатинизации финансируют издание произведений лишь «титულных» авторов, что приводит к нарастающему информационному голоду, научному, культурно-образовательному и технологическому отставанию. Вдобавок возникает проблема несовпадения письменности у диаспоры и у её этниче-

ского «материка» (например, в случае с узбеками Киргизской Республики, сохранившими алфавит на основе кириллицы).

Релатинизация ощутимо воздействует на информационное пространство стран региона — не хуже цензуры сокращает присутствие и влияние в нём независимых СМИ на русском и других языках. Эта своеобразная языковая цензура может быть обращена и в прошлое; в качестве подтверждения можно указать на опробованную в Узбекистане практику изъятия и уничтожения русскоязычных книг, не вписывающихся в новую государственную идеологию⁷⁹.

Перевод на латиницу ещё раз фиксирует в общественном сознании как неоспоримую истину достаточно спорный тезис о неразрывности «национальности» и родного языка. Тем самым акцентируется этническая, а не гражданская основа построения государства и общества. А ещё переход на латинскую графику усиливает внутреннюю напряжённость по осевым линиям потенциальных конфликтов: между государствообразующим этносом и русскоязычными меньшинствами, между городом и селом, столицей и провинцией, богатыми и бедными... Вместе с тем релатинизация алфавита может привести к вовсе неожиданному последствию: в случае её неуспеха даст сторонникам воинствующего политического ислама довольно веские доводы в пользу возврата к арабской графике. Логика этих доводов будет проста, но убедительна: арабская графика использовалась народами региона в течение столетий, отождествляемых сейчас с их «золотым веком», тогда как история латинской графики насчитывает в сумме менее трёх десятилетий и первыми её продвигали люди, ныне обвиняемые в подавлении национальных культур, колониальной эксплуатации ЦА и прочих «прелестях».

В итоге получается, что к бесспорным плюсам реформы можно отнести лишь небольшие технические преимущества, которые даёт применение латинской графики в Интернете и в сотовой связи для продвижения латинизированных языков за пределы их этноареалов.

* * *

В заключение в первую очередь хотелось бы отметить, что основной тренд современности в языковом поведении — отнюдь не смена графики с целью получения краткосрочных политических дивидендов локального значения, а изучение мировых языков. Для государств ЦА в этом отношении наиболее перспективны (и уже востребованы) три языка — русский, английский и китайский. Загоняя свои народы

в ловушку релатинизации, лидеры государств ЦА действуют вопреки этому тренду и интересам прогрессивного развития собственных народов. Ибо для успешной интеграции в мировой рынок, обеспечения конкурентоспособности на мировых и региональных рынках инвестиций, информации, товаров и рабочей силы, для приобщения к новейшим технологиям нужна понятная и/или давно знакомая система символов, не требующая от её носителей и их партнёров лишних затрат времени и средств на перевод. Это правило относится в равной мере и к национальным экономикам, и к бизнес-структурам, и к отдельным гражданам — и делает практически бесполезным, экономически неэффективным и в стратегической перспективе нецелесообразным перевод языков небольших по численности народов с применявшейся ими прежде графики на новую. Что латинизация идёт в этом смысле вразрез с требованиями жизни, свидетельствуют устойчивые маршруты миграционных потоков, изливающихся во внешний мир из ЦА: подавляющее большинство трудовых мигрантов из региона направляются не в Турцию, а в Россию, то есть туда, где безраздельно господствует кириллица.

Во-вторых, никакая языковая реформа не может, как бы этого ни хотелось её устроителям, игнорировать численность и качественные характеристики «сообщества пишущих». В 1926 году на тюркологическом съезде в Баку профессор Н.Ф. Яковлев предупреждал⁸⁰:

«Лёгкость проведения латинского алфавита обратно пропорциональна развитию национальной письменности, то есть, чем больше было уже до введения латинского алфавита грамотных, тем труднее провести латинский алфавит».

«Сообщество пишущих» в ЦА составляет теперь подавляющее большинство населения. Переучивать надо не тысячи, как было в 1920-х годах, а миллионы. Это значительно увеличивает расходы на реформу и время на её проведение. Причём общество и государство вынуждены тратить то и другое, заранее зная, что быстрой отдачи от вложенных в релатинизацию ресурсов не будет. Наоборот, неизбежное из-за внедрения новой системы символов существенное сужение воспроизводства высококвалифицированных специалистов в сочетании с замедлением прироста объёма информации крайне негативно влияют и будут влиять в течение длительного периода времени на общую конкурентоспособность и темпы развития экономики в Туркменистане и Узбекистане (да и в Казахстане, если там всё-таки откажутся от кириллицы). Уже сейчас в этих странах вследствие смены алфави-

тов и/или сокращения сферы применения русского языка происходит значительное ослабление модернизационного потенциала, напрямую связанного с уровнем владения населением мировыми языками и с численностью их носителей.

В-третьих, последний эксперимент со сменой алфавитов в ЦА лишь раз продемонстрировал две стороны языковых реформ. С одной стороны, государство, точнее, стоящая у власти политическая элита, может регулировать и до известных пределов менять в желательном для себя направлении сложившуюся в стране языковую ситуацию. С другой стороны, хотя именно политическая элита, как правило, разрабатывает и проводит языковую политику, она не обладает, как бы на этот счёт она ни обольщалась, неограниченной свободой выбора при проведении языковых реформ. Государство ограничено самой спецификой той языковой ситуации, которую оно предполагает изменить, живыми, не поддающимися контролю процессами и тенденциями в языковой сфере. Это полностью подтверждает, хотя и по-разному, опыт обеих «релатинизированных» стран — и Туркменистана, где попытки диктатора укрепить режим единоличной власти разными способами, в том числе и с помощью релатинизации, были особенно настойчивыми, и Узбекистана, где реформа оказалась вялотекущей потому, что власти, по-видимому, осознали опасность сокращительной «языковой инженерии» а la Туркменбаши.

В-четвёртых, языковые реформы, проведённые, проводимые и намечаемые к проведению в ЦА, служат отличными индикаторами степени свободы или несвободы общества от государственного контроля и от манипулирования общественным мнением политическими элитами. Стоит отметить, что релатинизация была осуществлена или планируется к проведению в государствах, избравших в качестве стратегического политического курса лингвистический национализм, одноязычие и ретрадиционализацию основных сфер общественной жизни.

В-пятых, показателен, можно сказать, глубоко симптоматичен способ принятия решения о проведении языковых преобразований, применявшийся и применяемый в регионе. Политики даже не всегда привлекали для предварительного обсуждения и планирования экспертное сообщество. Чаще всё решалось в узком начальственном кругу, быстро и без всестороннего обсуждения деталей реформы, просчёта её возможных последствий. А затем через СМИ народ неожиданно узнавал о готовности власти пойти навстречу его «многочисленным и горячим пожеланиям» сменить привычный алфавит на новый. Так было в советское время, так продолжается и сейчас.

И самое последнее: негативные последствия релатинизации значительно превосходят позитивные и будут носить кумулятивный и долгосрочный характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Космарский А.А.* Советский опыт «графической революции». Рукопись (любезно предоставлена автором для прочтения в 2008 году). С. 5.

² *Атаев Т.* Политический аспект латинизации письменности. Доступно на: <http://echo-az.info/tochka01.shtml>. Последнее посещение 30 марта 2009 года.

³ Касым Тыныстанов (1901—1938) — народный комиссар просвещения Киргизской АССР в 1927—1930 годах, один из создателей латинской графики для киргизского языка, крупный учёный-лингвист, поэт, первый профессор-киргиз. Был репрессирован и расстрелян в 1938 году, реабилитирован посмертно в 1957.

⁴ *Плоских С.В.* Две страницы репрессированной культуры Кыргызстана. Историко-социолитингвистическое наследие Е. Поливанова и К. Тыныстанов. Бишкек, 2001. С. 64.

⁵ *Космарский А.А.* Указ. соч. С. 13.

⁶ Подробнее об этом см.: *Çapar, Bengü.* Functional Literacy and Information Retrieval in Turkey. Available at: <http://www.ifla.org/IV/ifla61/61-capb.htm>. Last visited on 25 March, 2009.

⁷ *Космарский А.А.* Указ. соч. С. 10.

⁸ Там же. С. 10—12.

⁹ Там же. С. 16—17.

¹⁰ Центральный государственный архив Кыргызской Республики (ЦГА КР). Ф. 688. Оп. 1 Д. 18. Л. 4.

¹¹ *Выдрин А.* Языковая политика в Узбекистане. Фитрат, Поливанов, Сталин и другие... Доступно на: <http://www.ferghana.ru/zvezda/vydrin.html>. Последнее посещение 31 марта 2009 года.

¹² Самед-ага Агамалы-Оглы (1867—1930) — в 1922—1929 годах председатель ЦИКа Азербайджанской ССР и один из председателей ЦИКа ЗСФСР (Закавказской советской федеративной социалистической республики), известен своей деятельностью по пропаганде нового тюркского латинизированного алфавита. Участвовал в работе большинства газет и журналов, выходивших в Азербайджане в 1920-е годы.

¹³ Файзулла Губайдуллаевич Ходжаев (1896—1938) — советский партийный и государственный деятель. В 1916—1920 годах один из лидеров младобухарской партии, выступившей против монархического режима в эмирате. Одним из его ближайших друзей и сподвижников в партии младобухарцев был поэт и историк А. Фитрат. В сентябре 1920 года вступил в РКП(б). Возглавлял правительство Бухарской Народной Советской Республики в качестве Председателя Совета народных назиров (сентябрь 1920 — декабрь 1924) до момента её вхождения в состав Узбекской ССР, участвовал в разгроме повстанческих отрядов в Узбекистане. 17 февраля 1925 года был утверждён Председателем СНК Узбекской ССР. Первая сессия ЦИК СССР третьего созыва избрала его 21 мая 1925 года одним из Председателей ЦИК СССР. В 1920-е — 1930-е годы был одним из руководителей Узбекской ССР, но не избирался в высшие партийные органы ВКП(б), а также не был членом ЦК партии. После VII съезда КП(б) Узбек-

ской ССР Ф. Ходжаев 17 июня 1937 года был смещён со всех государственных и партийных должностей, исключён из ВКП(б) и 9 июля арестован. В марте 1938 года оказался одним из обвиняемых на Третьем Московском процессе вместе с Н.И. Бухариным, А.И. Рыковым и другими видными советскими коммунистами. Ф. Ходжаев был признан виновным в организации троцкистского заговора, направленного на свержение советской власти в Узбекистане а также в шпионаже в пользу Германии, Японии, Польши и Америки, приговорён к высшей мере наказания и расстрелян 15 марта 1938 года, впоследствии реабилитирован и восстановлен в партии.

¹⁴ Акмаль Икрамович Икрамов (1898—1938) — советский государственный и партийный деятель, один из руководителей Узбекской ССР. В феврале 1918 года вступил в РКП(б). Работал на должностях зам. председателя Наманганского ревкома, затем секретарём Ферганского и Сыр-Дарьинского обкомов РКП(б). Руководил разгромом контрреволюции в Средней Азии. В 1921—1922 годах заведовал орготделом и был секретарём ЦК Компартии Туркменистана. С 1922 года учился в Москве в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова, затем работал секретарём Ташкентского обкома партии. С марта 1925 года — секретарь ЦК КП(б) Узбекистана, с 1929 года — первый секретарь ЦК КП(б) Узбекистана и секретарь Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б). Делегат XII—XVII съездов ВКП(б), избирался в члены ЦК ВКП(б), был членом ЦИК СССР и кандидатом в члены Президиума ЦИК СССР. Был одним из обвиняемых на Третьем Московском процессе, приговорён к высшей мере наказания, расстрелян 13 марта 1938 года. Реабилитирован и восстановлен в партии в 1956 году.

¹⁵ *Космарский А.А.* Указ. соч. С. 21.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Джунусов М.* К вопросу о формировании киргизской социалистической нации. Фрунзе, 1952. С. 147.

¹⁸ *Плоских С.В.* Две страницы репрессированной культуры Кыргызстана... С. 66.

¹⁹ *Данияров С.* Борьба компартии Киргизии за всеобщую грамотность. Фрунзе, 1980. С. 81.

²⁰ *Плоских С.В.* Указ. соч. С. 66—67.

²¹ ЦГА КР. Ф. 688. Оп. 3. Д. 307. Л. 56.

²² *Джунусов М.* Указ. соч. С. 148.

²³ *Плоских С.В.* Указ. соч. С. 117.

²⁴ ЦГА КР. Ф. 688. Оп. 1 Д. 18. Л. 15.

²⁵ *Выдрин А.* Указ. соч.

²⁶ Юлдаш Ахунбабаевич Ахунбабаев (1885—1943) — советский партийный и государственный деятель, член Коммунистической партии с мая 1921 года. В 1916 году был активным участником восстания в Маргилане. С 1917 года — заместитель председателя, председатель кишлачного совета в районе Маргилана. Участник гражданской войны в Ферганской области: разведчик, проводник частей РККА, председатель Маргиланской организации союза «Кошчи». В феврале 1925 года — делегат от Маргилана на Первом учредительном съезде КП Узбекистана. Избран членом ЦК и Бюро ЦК КП Узбекистана. Первый Председатель Президиума ЦИК Узбекистана (1925—1938), председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР (1938—1943). Депутат Верховного Совета СССР (1937—1943). С 21 мая 1925 года — член Президиума ЦИК СССР.

²⁷ Абдурауф Фитрат (1885—1938) — узбекский историк и поэт, один из основоположников современного литературного узбекского языка. Странник движения

джалидов. До Октябрьской революции принимал участие в движении за независимость от России, находился под наблюдением полиции. В годы революции и гражданской войны был активным участником младобухарской партии, дружил с Ф. Ходжаевым. При советской власти неоднократно подвергался репрессиям как «пантюрист». В 1937 году был арестован, расстрелян в 1938 году. В 1962 году реабилитирован. В 1996 году в Бухаре открыт мемориальный музей Фитрата.

²⁸ *Видрин А.* Указ. соч.

²⁹ *Космарский А.А.* Советский опыт «графической революции»... С. 22.

³⁰ Цит. по: *Видрин А.* Указ. соч.

³¹ Там же.

³² *Алпатов В.М.* 150 языков и политика: 1917—2000. М., 2000. С. 69.

³³ От средневековья к вершинам современного прогресса. Об историческом опыте развития народов Средней Азии и Казахстана от докапиталистических отношений к социализму / Отв. ред. М.С. Джунусов. М., 1965. С. 179.

³⁴ *Орозалиев К.К.* Исторический опыт перехода киргизского народа к социализму, минуя капитализм. Фрунзе, 1974. С. 231.

³⁵ *Измайлов А.Э.* От сплошной неграмотности — к вершинам просвещения. Фрунзе, 1978. С. 31.

³⁶ Постановления сессий ЦИК Киргизии. Сб. документов. 1927—1938. Фрунзе, 1986. С. 264.

³⁷ Цит. по: *Джунусов М.* К вопросу о формировании киргизской социалистической нации... С. 151.

³⁸ *Орозалиев К.К.* Указ. соч. С. 227.

³⁹ *Космарский А.* Смыслы латинизации в Узбекистане (конец XX — начало XXI века) // Вестник Евразии, 2003. № 3 (22). С. 65.

⁴⁰ Из постановления СНК СССР «О переводе киргизской письменности с латинизированного на русский алфавит» от 6 июля 1940 г. // КПСС и Советское правительство о Советском Киргизстане. Сб. документов (1924—1974). Фрунзе, 1974. С. 346.

⁴¹ *Видрин А.* Указ. соч.

⁴² Там же.

⁴³ ЦГА КР. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.

⁴⁴ Этот термин Р. Брубейкера лучше всего подходит для определения вектора политического развития постсоветских государств Центральной Азии.

⁴⁵ См. сноску 2.

⁴⁶ См. об этом: www.regnum.ru/news/832869.html. Последнее посещение 29 марта 2009 года.

⁴⁷ Наступление на кириллицу, или деградация славянского мира? Постоянный адрес статьи на: <http://www.newsinfo.ru/articles/2007-05-24/item/36015>. Последнее посещение 1 апреля 2009 года.

⁴⁸ Текст закона доступен на: <http://www.osi.hu/fmp/laws/Zakons/Turkmenistan/Post1956.doc>. Последнее посещение 31 марта 2009 года.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Ситуация в области СМИ в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане. Вена, 2002. С. 103.

⁵¹ *Горак С.* Мифы Великого Туркменбаши // Вестник Евразии, 2005. № 2 (28). С. 115.

⁵² *Демидов С.* Последние годы в Туркмении (Воспоминания этнографа). Вестник Евразии, 2000. № 4 (11). С. 102—103.

⁵³ Там же. С. 118.

⁵⁴ См.: <http://www.gov.uz/ru/ctx.scm?sectionId=2780>. Последнее посещение 1 апреля 2009 года.

⁵⁵ *Виноградов В.А., Космарский А.А., Насилов Д.М.* Государственные языки в странах СНГ в этнокультурном контексте (некоторые аспекты современного функционирования — новый латинский алфавит в Узбекистане: политика и семиотика) // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. В 2 кн. Кн. 2. М., 2006. С. 61.

⁵⁶ См.: *Шарифов О.* Латинизация алфавита. Узбекский опыт. Постоянный адрес статьи на: <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1178269020>. Последнее посещение 2 апреля 2009 года.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ *Виноградов В.А., Космарский А.А., Насилов Д.М.* Указ. соч. С. 57.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ *Космарский А.* Смыслы латинизации в Узбекистане... С. 69.

⁶¹ *Шарифов О.* Указ. соч.

⁶² Там же.

⁶³ *Космарский А.* Смыслы латинизации в Узбекистане... С. 65.

⁶⁴ *Шарифов О.* Указ. соч.

⁶⁵ *Алпатов В.М.* 150 языков и политика... С. 191.

⁶⁶ Writing community — термин Ф. Кулмаса. См.: *Виноградов В.А., Космарский А.А., Насилов Д.М.* Указ. соч. С. 62.

⁶⁷ Там же. С. 61—68.

⁶⁸ *Шарифов О.* Указ. соч.

⁶⁹ *Космарский А.* Смыслы латинизации в Узбекистане... С. 70.

⁷⁰ *Шарифов О.* Указ. соч.

⁷¹ Консультативно-совещательный орган под председательством президента, в котором представлены все этнические группы, проживающие в стране.

⁷² *Константинопольский С.* Nazarbaev сорвал маску Назарбаева. Постоянный адрес статьи на: <http://student.km.ru/view.asp?id=8A8DB1A5ACA84C34A1A9C07156B23F0B&fp=2&fl=20&sort=1>. Последнее посещение 2 апреля 2009 года.

⁷³ Там же.

⁷⁴ *Ядуха В.* Латинизация Казахстана. Доступно на: <http://www.rbcdaily.ru/2007/07/24/focus/284365>. Последнее посещение 30 марта 2009 года.

⁷⁵ Цит. по: *Ядуха В.* Указ. соч.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ *Захарова Ж.* Тянут за язык. Киргизия хочет перейти с кириллицы на латинский алфавит. Доступно на: <http://www.newizv.ru/news/2008-03-05/85834/>. Последнее посещение 30 марта 2009 года.

⁷⁸ *Пальвелева Л.* «Юрчики» и «вовчики». Судьба русского языка в Таджикистане. Доступно на: <http://www.svobodanews.ru/Article/2007/03/28/20070328112146977.html>. Последнее посещение 30 марта 2009 года.

⁷⁹ *Мадалиев С.* Реформа языка: нежеланная латиница. Доступно на: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=2619>. Последнее посещение 31 марта 2009 года.

⁸⁰ Цит. по: *Шарифов О.* Указ. соч.